

Во время учебы в университете, чтобы расплатиться с долгами и заработать на жизнь, Е Тао работал на трех работах. Рано утром, еще до рассвета, он развозил молоко, в обед помогал в небольшом ресторане у входа в университет, а вечером шел на ночной рынок, где продавал заколки и бантики для девочек. Однажды вечером Ло Дун с друзьями прогуливался по ночному рынку и, проходя мимо лотка Е Тао, заговорил с ним. Видя, что тот едва держится на ногах от усталости, Ло Дун бросил ему пачку сигарет, чтобы он мог взбодриться, когда совсем устанет. Е Тао отказался, сказав, что если научится курить, это станет дополнительной статьей расходов. Эта фраза, сказанная так спокойно, задела Ло Дуна, и он насильно сунул сигареты Е Тао, заявив, что будет оплачивать его курение. С тех пор он время от времени давал Е Тао сигареты, а если тот отказывался, просто засовывал их ему в карман. Так прошло больше полугода, и Е Тао накопил целую коробку сигарет, но так и не притронулся к тому, что не мог себе позволить.

Сейчас Е Тао потерял здоровье и прежний статус, но он остался тем же Е Тао, таким же трезвомыслящим, знающим, что можно попробовать, за что можно бороться, а о чем даже не стоит думать.

Все упреки и увещевания Ло Дуна были отбиты, и лишь через некоторое время он, нахмурившись, пробурчал.

— Вернись и скажи тому идиоту, чтобы не метил территорию, как собака!

Е Тао поднял руку, потрогал воротник и вдруг понял, в чем дело. Он чуть не рассмеялся. У Чжоу Цзыцяня действительно был сильный характер, но он не был таким глупым, как описывал Ло Дун. Красные следы на его шее, похожие на следы поцелуев, не имели к нему никакого отношения. Это были укусы мошек. Вокруг дома Чжоу было много цветов и растений, и с наступлением тепла появлялись насекомые. Накануне вечером, гуляя во дворе, он был укушен мошкой, которая оказалась куда злее комара. Укус опух до размера ягоды боярышника, а после того как опухоль спала, осталось красное пятно, похожее на свежий след поцелуя.

Узнав, что все дело в насекомых, Е Тао не стал расстраиваться из-за того, что ситуация вышла из-под контроля. Правда рано или поздно вскрылась бы, а Ло Дун был проницательным человеком, и их с Чжоу Цзыцянем отношения долго скрывать не удалось бы. То, что Ло Дун сам все понял, избавило Е Тао от необходимости объясняться. Хотя, независимо от того, обнаружил ли он сам или Е Тао рассказал, Ло Дун все равно бы разозлился. Е Тао подумал, что если бы Чжоу Цзыцянь появился сейчас, Ло Дун точно бы взорвался, и еще сильнее. Чтобы избежать столкновения Чжоу Цзыцяня с Ло Дуном в самый разгар ссоры, Е Тао тайком позвонил дядюшке Чжоу, попросив прислать машину за ним и Баобао. Дядюшка Чжоу был надежным и расторопным, он не стал задавать лишних вопросов и сразу же занялся организацией машины.

К сожалению, как бы хорошо Е Тао ни планировал, Ло Дун не собирался следовать его плану. Пока Е Тао звонил дядюшке Чжоу, Ло Дун позвонил Чжоу Цзыцяню, солгав, что Е Тао плохо себя чувствует, и попросив его срочно приехать.

Ло Дун, глядя на Е Тао, спускающегося со второго этажа, усмехнулся. «Чем больше ты его защищаешь, тем больше я хочу ему показать, на что способен».

Е Тао, заметив его злобный вид, слегка нахмурился.

— О чем ты думаешь?

Ло Дун язвительно ответил.

— Думаю, как заставить тебя, упряма, выплюнуть этот мерзкий кусок дерьма.

Е Тао не находил этот кусок дерьма таким уж отвратительным, но слова Ло Дуна действительно его тошнило.

Чжоу Цзыцянь был в офисе, недалеко от дома Ло Дуна, и, беспокоясь за Е Тао, ехал быстро. Через полчаса он уже был на месте.

Е Тао и Чжоу Цзыцянь договорились, что тот приедет за ним в пять часов, а когда Е Тао звонил дядюшке Чжоу, было лишь три, времени было достаточно. Е Тао хотел дождаться машины, а затем сообщить Чжоу Цзыцяню, чтобы тот не приезжал, чтобы избежать его подозрений. Однако его план был раскрыт Ло Дуном, который знал его характер, и одной лжи было достаточно, чтобы заставить Чжоу Цзыцяня приехать раньше.

В элитном жилом комплексе строгие правила: жильцы входят по карточкам, а гости должны регистрироваться. Машину Чжоу Цзыцяня остановили у ворот, и пока он объяснялся с охраной, Ло Дун, притворившись, что вышел купить сигареты, вышел к нему.

— С ним все в порядке, он ждет, когда за ним приедут из дома.

Ло Дун сел в машину Чжоу Цзыцяня и равнодушно бросил эту фразу.

Чжоу Цзыцянь, полный тревоги, на мгновение замер, а затем нахмурился.

— Если хотел поговорить, мог сказать прямо, не нужно было врать.

Ло Дун усмехнулся.

— Боялся, что ты не придешь. Все раскрылось, давай найдем место для разговора.

Рядом был зал боевых искусств, где Ло Дун купил годовую карту и иногда приходил потренироваться. Сегодня он привел туда Чжоу Цзыцяня, и их разговор начался с кулачного боя.

Ло Дун вырос в военном городке, вся его семья была связана с армией. Хотя он не пошел по стопам отца и не поступил на военную службу, его физическая подготовка была намного лучше, чем у обычных людей. К тому же, с детства он был дерзким, и в юности драки были для него обычным делом. Если он выигрывал, то анализировал свои действия, а если проигрывал, то учился у телохранителя своего деда, который учил его приемам рукопашного боя, а он изучал, как сделать так, чтобы противник не смог подняться.

По сравнению с Ло Дуном, который учился на практике, Чжоу Цзыцянь был чистым теоретиком. После нападения на улице он начал заниматься саньда с профессиональным тренером, сначала для того, чтобы защитить себя в экстренных ситуациях, а позже — чтобы выпустить накопившуюся агрессию. В самые сложные периоды, когда он приходил в зал, он становился совершенно другим человеком, и только в такой обстановке он мог сбросить весь контроль и маски.

Во время их последней стычки, из-за ограничений окружения и вмешательства Е Тао, они не смогли выплеснуть всю свою энергию. На этот раз никаких ограничений не было, и даже если бы они дрались насмерть, никто бы не вмешался.

Ло Дун считал, что у Чжоу Цзыцяня только лицо было красивым, а внутри он был чернее сажи, хотя сам он был не лучше. Уворачиваясь от ударов Чжоу Цзыцяня, он атаковал его по ногам, бил туда, где больнее, словно хотел покалечить его.

Чжоу Цзыцянь получил мощный удар в живот, и почти двухметровый мужчина упал на пол. Удар был настолько сильным, что он не смог сразу подняться.

Ло Дун, тяжело дыша, вытер уголок рта и, подойдя, пнул Чжоу Цзыцяня, который только начал подниматься, и, стоя над ним, наступил на его плечо, смотря на него, как на кусок гнилого мяса.

— Чжоу второй, я тебе давно говорил, если ты посмеешь подойти ко мне, я затопчу тебя в грязь, не оставив ни одной целой кости. Ну что, теперь ты жалеешь?

Чжоу Цзыцянь, воспользовавшись моментом, схватил его за лодыжку и резко дернул. Ло Дун упал на бок, а Чжоу Цзыцянь поднялся и ударил его кулаком в лицо. Ло Дун почувствовал, как перед глазами потемнело, а переносица будто раскололась.

Чжоу Цзыцянь, сжимая горло Ло Дуна окровавленной рукой, пренебрежительно сказал.

— Ты думаешь, я испугаюсь? Если ты готов на все, позови своего отца и деда, пусть убьют меня, а иначе держись подальше! Наши с ним дела тебя не касаются!

Ло Дун, оглушенный ударом, видел лишь мелькающие перед глазами красные глаза и злобную усмешку, которая казалась нечеловеческой. Он понял, что ошибался: Е Тао связался не с голодным волком, а с бешеным псом, который, если его загнать в угол, будет драться до смерти.

Ло Дун, сдавленно дыша, с трудом выдавил из себя смешок.

— Ты слишком много о себе думаешь. Он сам мне сказал, что ты всего лишь его спутник, по сути, ты просто член. Ты думаешь, он...

Чжоу Цзыцянь, с бешенством в глазах, нанес еще один удар, прервав его слова. Ло Дун почувствовал, будто ему ударили в лицо, голова закружилась, и он даже не помнил, как вышел из зала.

Через некоторое время Ло Дун поднялся, покачнулся, вытер кровь с лица подолом рубашки и, шатаясь, пошел за ним.